

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

Т.С. Багирова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Институт мер пресечения продолжает находиться в центре внимания учёных и практиков, что обусловлено рядом законодательных преобразований, предпринятых в данной сфере за последние годы.

Меры пресечения, выступающие разновидностью мер уголовно-процессуального принуждения, будучи связанными с вторжением в сферу конституционно-правовых гарантий, заставляют правоприменителя подходить к вопросу их применения сквозь призму прав и свобод личности. Применение наиболее строгих меры пресечения, в целях укрепления таких гарантий, делегировано суду, как особому субъекту уголовно-процессуальных отношений.

Домашний арест есть одна из весьма строгих мер пресечения – интересная как по своему содержанию, так и правоограничительному характеру.

Данная мера неоднократно подвергалась нормативным изменениям, а практика её применения постоянно сталкивается с рядом сложностей, обусловленных недостатками процессуальной регламентации, а также неоднозначным толкованием существующих законодательных положений, что актуализирует исследования в указанном направлении.

Цель исследования: проанализировать домашний арест в качестве меры пресечения по действующему УПК РФ.

Вопросы, связанные с применением мер пресечения в уголовном процессе на протяжении многих лет, находят своё отражение в научных трудах таких специалистов, как: А.С. Барабаш, С.И. Вершинина, З.Д. Еникеев, Н.И. Капинус, В.М. Корнуков, Ю.Г. Овчинников, О.В. Овчинникова, И.Л. Петрухин, Н.А. Симагина, И.С. Федотов и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Домашний арест как мера пресечения: основные положения.....	7
1.1 Понятие и сущность домашнего ареста.....	7
1.2 Место домашнего ареста в системе мер пресечения.....	9
1.3 История возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения	14
Глава 2 Основания, условия и порядок применения домашнего ареста	21
2.1 Основания применения домашнего ареста	21
2.2 Условия применения домашнего ареста.....	25
2.3 Порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста	34
Глава 3 Проблемные вопросы применения домашнего ареста	41
3.1 Проблемные аспекты законодательного регулирования и практики применения домашнего ареста	41
3.2 Предложения по совершенствованию законодательства и практики применения домашнего ареста	48
Заключение	58
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

Актуальность исследования. Институт мер пресечения продолжает находиться в центре внимания учёных и практиков, что обусловлено рядом законодательных преобразований, предпринятых в данной области уголовно-процессуальной деятельности за последние годы.

Меры пресечения, будучи связанными с вторжением в сферу конституционно-правовых гарантий, заставляют правоприменителя подходить к вопросу их применения сквозь призму прав и свобод личности, закреплённых в Конституции Российской Федерации [21] (Конституции РФ).

Применение самых жёстких мер пресечения, в целях укрепления таких гарантий, делегировано особому участнику уголовно-процессуальных отношений – суду, выступающему гарантом реализации законности в российском демократическом уголовном процессе.

При этом, как полагает Пленум Верховного Суда РФ, «при разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам исходя из презумпции невиновности следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности» [38].

В качестве одной из наиболее строгих мер пресечения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [50] (УПК РФ) предусматривает домашний арест – интересную по своему содержанию и правоограничительному характеру меру пресечения.

Данная мера неоднократно подвергалась нормативным изменениям, а практика её применения постоянно сталкивается с рядом сложностей, обусловленных недостатками процессуальной регламентации, а также неоднозначным толкованием существующих законодательных положений, что актуализирует исследования в указанном направлении.

Цель исследования: осуществить анализ нормативных положений, научных позиций и правоприменительной практики, связанных с такой мерой пресечения, как домашний арест.

Задачи дипломного исследования:

- обозначить научные подходы к формулировке понятия и определению уголовно-процессуальной сущности мер пресечения;
- охарактеризовать место и роль домашнего ареста в определяемой уголовно-процессуальным законодательством системе мер пресечения;
- рассмотреть исторический аспект возникновения и развития домашнего ареста в отечественном уголовном судопроизводстве;
- сформулировать основания и условия применения домашнего ареста в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством;
- охарактеризовать порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста;
- определить проблемные аспекты законодательного регулирования и практики применения домашнего ареста;
- выдвинуть предложения по совершенствованию законодательства и практики применения домашнего ареста.

Объект исследования: уголовно-процессуальные отношения, в контексте применения мер пресечения к лицам, которые вовлекаются в уголовно-процессуальную деятельность в качестве субъектов, на которых направлено уголовное преследование.

Предмет исследования: нормы УПК РФ, а также положения иных нормативно-правовых актов, включая документы подзаконного характера, а также материалы судебной практики, связанные с исследуемой сферой мер уголовно-процессуального принуждения.

Методология исследования: данное исследование построено на основе применения ряда методов современного научного познания, включая

всеобщий диалектический метод познания, а также иные методы, позволяющие необходимым образом изучить и проанализировать предмет исследования.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика, сопряжённая с различными аспектами применения мер пресечения на протяжении многих лет, находит своё отражение в научных трудах разных авторов.

Стоит отметить работы таких специалистов, как: А.С. Барабаш, С.И. Вершинина, З.Д. Еникеев, Н.И. Капинус, В.М. Корнуков, Ю.Г. Овчинников, О.В. Овчинникова, И.Л. Петрухин, Н.А. Симагина, И.С. Федотов и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Домашний арест как мера пресечения: основные положения

1.1 Понятие и сущность домашнего ареста

В целях определения понятия и уголовно-процессуальной сущности домашнего ареста необходимо сначала, двигаясь от общего к частному, определить понятие и сущность мер пресечения, одной из которых и выступает домашний арест.

Осуществление уголовно-процессуальной деятельности на различных этапах производства по уголовным делам, сопрягается с активным вторжением в сферу конституционных прав и свобод личности, в том числе, посредством применения мер процессуального принуждения, которые выступают одним из важнейших средств достижения назначения уголовного судопроизводства, которое, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Именно в анализируемой сфере сосредоточена наиболее проблематичная и острая грань взаимодействия индивида и государства, что обуславливает необходимость поиска оптимального баланса интересов лиц, которые вовлечены в производство по уголовному делу, и интересов государства.

С учётом того, что центральной фигурой, на которую направлено уголовное преследование, выступает такой участник уголовного судопроизводства, как обвиняемый (реже – подозреваемый, выступающий кратковременным участником уголовного процесса), для обеспечения нормального хода и результатов производства по уголовному делу, предупреждения неправомерного вмешательства в процесс доказывания со стороны данного субъекта, а также его попыток иным образом препятствовать уголовному судопроизводству, действующий УПК РФ предусматривает

возможность применить к нему одну из мер пресечения, включённых в содержание главы 13 данного нормативного акта.

В этой связи, данный самостоятельный институт уголовно-процессуального права занимает важное место в контексте обеспечения надлежащего поведения субъекта, на которого направлено уголовное преследование.

Как верно отмечает С.И. Вершинина, «анализируя качество уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение мер пресечения, ученые единодушны в выделении мер пресечения в качестве обособленной группы мер уголовно-процессуального принуждения» [6, с. 115].

Определяя понятие и сущность данного уголовно-процессуального института, в науке указывают, что таковыми являются «процессуальные средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые для предотвращения возможных процессуальных нарушений с их стороны, а также для обеспечения исполнения приговора» [47, с. 230].

Также в науке подчёркивается двойственность природы мер пресечения, с учётом того, что они направлены как на пресечение противоправного поведения со стороны подозреваемого или обвиняемого, так и на превентивное воздействие на него, связанное с предупреждением нежелательного поведения.

При этом, пресечение и предупреждение тесно и органично связаны между собой, составляя единый обеспечительный уголовно-процессуальный инструмент в виде мер пресечения, конкретизированный перечень которых приводится законодателем в ст. 98 УПК РФ.

Домашний арест, выступая в качестве одной из мер пресечения, воплощает в себе обозначенную выше двойственность, обладая при этом, собственным механизмом пресекаательно-предупредительного воздействия на лицо, подвергнутое уголовному преследованию.

Упомянута данная мера в п. 6 ст. 98 УПК РФ, а её непосредственная процессуальная регламентация произведена отдельно – в рамках ст. 107 УПК РФ.

Как таковое, нормативное определение данной меры пресечения законодателем, к сожалению, не предложено. О том, как именно можно определить данную меру, можно сделать логический вывод непосредственно из текста данной уголовно-процессуальной нормы.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 107 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что домашний арест – это мера пресечения, избираемая по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого, которая состоит в контролируемой государством изоляции лица от общества в жилом помещении (в исключительных случаях в лечебном учреждении) и следовании данным лицом, возложенным на него запретам.

Далее, определим место домашнего ареста в системе мер пресечения, что позволит определить его уголовно-процессуальное значение, как средства обеспечения надлежащего поведения лица, на которое направлено уголовное преследование.

1.2 Место домашнего ареста в системе мер пресечения

В своём современном облике, действующая система мер пресечения, определяемая в ст. 98 УПК РФ, включает восемь различных мер пресечения, расположенных в порядке иерархии от меры, обладающей наименьшим правоограничительным потенциалом (подписка о невыезде), до наиболее строгой и жёсткой меры в виде заключения под стражу, обладающей максимальным ограничением, сопоставимым с применением уголовного наказания за совершённое преступление в виде лишения свободы.

Также следует констатировать наличие в действующей системе мер пресечения нескольких специфических мер пресечения, адресованных узкой категории субъектов: несовершеннолетним (присмотр за

несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым) и военнослужащим (наблюдение командования воинской части).

Однако, их нельзя отнести к разряду универсальных мер пресечения, применение которых возможно к широкому кругу субъектов.

При этом, необходимо заметить, что существующая система мер пресечения не является исключительно стабильной и неизменной. И это является положительным моментом, поскольку современное состояние системы мер пресечения должно соответствовать потребностям правоохранительной системы государства, а также уровню общественных отношений, сложившихся на современном этапе развития общества и государства. В противном случае система мер пресечения рискует стать архаичной и не способной выполнить свою роль в обеспечении надлежащего поведения лица, на которого направлено уголовное преследование.

За последние годы законодатель неоднократно предпринимал попытки не только уточнить и детализировать нормативное содержание уже имеющихся мер пресечения, но и сформулировал новую меру пресечения в виде запрета определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ), введённой Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [56].

По замыслу законодателя новая мера пресечения может не только действовать самостоятельно, «но и усиливать принудительный потенциал других мер пресечения – залога (ст. 106 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ)» [26, с. 113], – полагает В.В. Николюк.

Тем самым, перечень мер пресечения был расширен, что во многом было связано с необходимостью повышения эффективности существующей системы мер пресечения и создания реальной альтернативы заключению под стражу, применение которой сопряжено с непосредственным ограничением закреплённого в ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность.

Таким образом, универсальных мер пресечения в действующей системе стало больше, благодаря чему инструментарий превентивного воздействия,

оказываемого на подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, был значительно расширен.

Но во многочисленных научных публикациях, посвящённых мерам пресечения, авторами продолжает констатироваться ситуация, при которой исключительная по строгости мера пресечения в виде заключения под стражу стала типовым решением вопроса о том, как эффективно обеспечить надлежащее поведение лица, на которое направлено уголовное преследование.

Безусловно, как правильно отмечает А.П. Рыжаков, «изоляция от общества подозреваемого (обвиняемого) путем заключения его под стражу позволяет наиболее продуктивно обеспечить те цели, которые достигаются применением мер пресечения» [44].

Как далее резюмирует автор, «с учётом жёсткости и репрессивности такой меры, она должна применяться только в тех случаях, когда задачи, стоящие перед мерами пресечения без ее избрания, решены быть не могут» [44].

Примечательно, что на этапе обсуждения данный законопроект получил широкую поддержку в целом ряде научных публикаций. Так положительно охарактеризовали предлагаемую новацию Д.А. Воронов [7, с. 22], высказалась в поддержку подобного законодательного шага И.В. Головинская [8, с. 91].

Исследования, проводимые отдельными авторами, также свидетельствуют о том, что «число рассмотренных судами материалов об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей с 2018 года снизилось независимо от количества ходатайств, а наличие материалов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста увеличилось» [43, с. 4].

Следуя данным статистики, с момента введения новой меры пресечения в виде запрета определённых действий (с корректировкой норм, регламентирующих иные меры пресечения, включая домашний арест), число удовлетворённых судом ходатайств о заключении под стражу стало постепенно снижаться: в 2018 г. – 102165, в 2019 г. – 94633, в 2020 г. – 84917. В 2021 г. данный показатель незначительно увеличился, составив 87905

удовлетворённых ходатайств о заключении под стражу, после чего в 2022 г. вновь снизился, достигнув отметки 87687 [13].

При этом, практика, связанная с назначением домашнего ареста в качестве меры пресечения, в аналогичный период времени, приобрела положительную динамику: 2018 г. – 935, 2019 г. – 1037, 2020 г. – 1290, 2021 г. – 1379, 2022 г. – 1494 [13].

Как видится, в результате введения вышеназванных новаций, действующая система мер пресечения приобрела большую гибкость, чем это было ранее, сохранив потенциал пресекательно-предупредительного воздействия, при этом, обозначилась положительная динамика роста числа случаев применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Домашний арест является второй по строгости мерой пресечения, после заключения под стражу, что говорит о достаточно серьёзном правоограничительном воздействии данной меры, которое, как и при заключении под стражу, состоит в изоляции лица от общества, с ключевой разницей лишь в том, в каких условиях и при каком контроле такая изоляция осуществляется. Сказанное подтверждается актуальной судебной практикой.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 г. № 12-П, «домашний арест является более гуманной (менее строгой) мерой пресечения по сравнению с заключением под стражу (лицо содержится под домашним арестом в жилом помещении, в котором оно проживает, а не под стражей в специализированном учреждении и, как правило, не изолируется от совместно проживающих с ним лиц; запреты и ограничения, установленные ч. 7 ст. 107 УПК РФ, могут быть наложены на него как полностью, так и выборочно)» [35].

По мнению А.В. Гричаниченко, домашний арест в том виде, в котором он был ранее, «фактически разбит на две самостоятельные меры пресечения, предусмотренные отдельными статьями (107 и 105.1) УПК РФ» [12, с. 98].

Действительно, в обновлённой редакции ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест, как уже было отмечено выше, стал заключаться в полной изоляции

обвиняемого (подозреваемого) от общества – ранее же, до изменений 2018 г., домашний арест допускал возможность покидать жилое помещений лицом, к которому эта мера применена.

Несмотря на используемую формулировку, изоляция от общества не предполагает изоляцию лица от членов его семьи, а значит полной такую изоляцию можно считать с долей условности.

Как верно указывается Н.В. Румянцевым и М.П. Турченковым, «по действующей практике правосудия не запрещается его нахождение вместе с проживающими с ним лицами, т.е. от них он не изолируется» [43, с. 5].

«Облегчённая» версия домашнего ареста теперь представлена в виде запрета определённых действий (априори менее строгой меры, чем домашний арест), в рамках которого суд может возложить на лицо запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, включая запрет «выходить в определённые периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях».

Отмечая важную роль и значение домашнего ареста в системе мер пресечения, специалисты указывают, что одним из значимых достоинств домашнего ареста является «существенная экономия выделяемых на содержание обвиняемых (подозреваемых) государственных средств» [43, с. 5].

Это действительно так, ведь лицо, к которому применен домашний арест, находится по месту жительства на собственном материальном обеспечении. Задача государства при этом лишь обеспечить надлежащий контроль за исполнением лицом тех ограничений, которые к нему были применены.

Таким образом, законодательные изменения, реализованные в 2018 г. применительно к системе мер пресечения, поспособствовали оптимизации практики применения залога (ст. 106 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) через введённую меру пресечения в виде запрета определённых действий, поскольку запреты, сформулированные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ,

могут теперь применяться судом в рамках избрания в отношении двух других мер пресечения.

Проведённые новации позволили создать дополнительные и достаточно гибкие механизмы обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого без применения заключения под стражу.

Тем самым созданы предпосылки для более активного внедрения в практику домашнего ареста, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее гуманного отношения к личности и применения к лицу только того необходимого объёма правоограничений, который будет достаточным для обеспечения эффективного превентивного воздействия.

1.3 История возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения

История формирования и развития норм, посвящённых анализируемой мере пресечения в виде домашнего ареста, говорит о том, что данная мера пресечения имеет достаточно глубокие исторические корни, что находит своё развитие в ряде работ исследователей мер процессуального принуждения в истории отечественного государства и права.

По мнению А.О. Каштановой, «домашний арест в качестве меры пресечения известен России уже с XII века и именовался «отдача за пристава». Содержались отданные за пристава в домах приставов или в приказах, земских и губных избах» [18, с. 139].

Данную меру Ю.Г. Овчинников считает, скорее, прообразом домашнего ареста, ввиду того, что «впервые в уголовно-процессуальном регулировании появился такой признак домашнего ареста, как надзор со стороны должностных лиц органов государственной власти за лицом, которое находилось дома» [27, с. 28].

Непосредственное упоминание домашнего ареста же возникло в истории отечественного права гораздо позднее. Наряду с иными мерами пресечения в виде тюремного заключения, отдачей на поруки и полицейским надзором, в Своде законов 1832 года [45] получил своё оформление домашний арест.

Под домашним арестом и полицейским надзором содержались обвиняемые «в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы тюремному, на известное время, заключению» (ст. 878)

Согласно положениям Свода законов 1832 г., сущность домашнего ареста заключалась в том, что к жилищу подсудимого приставлялся полицейский служитель или жандарм.

Как пишет Ю.Г. Овчинников, «применение данной меры было ограничено вследствие естественной невозможности для каждого из многих подсудимых иметь особого полицейского служителя. Эта мера – и по своему происхождению, и по своему характеру – для немногих чисто сословная мера, которая употреблялась для лиц привилегированного сословия» [27, с. 31].

В дальнейшем, с развитием правового регулирования, в рамках нового исторического нормативно-правового акта, именуемого Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. [53] была уточнена классификация уголовных наказаний и мер пресечения.

Так, было отмечено, что «в домашнем аресте и полицейском надзоре подлежит содержать обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы заключению в крепости, в смиренном доме или тюрьме» (ст. 135)

При этом, как отмечается исследователями, по-прежнему имелась неопределённость, провоцирующая произвольное толкование со стороны правоприменителя.

Так, оставалось не ясным, какова была иерархия выделяемых мер пресечения и чем именно необходимо было руководствоваться правоприменителю при их выборе. Указание в рамках одной нормы сразу двух

различных мер пресечения (домашнего ареста и полицейского надзора) не позволяло их должным образом разграничить, при всей их схожести.

Очередным этапом реформирования нормативной регламентации системы мер пресечения, включая домашний арест, стало введение в действие Устава уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г. [54], которые действовали вплоть до советского периода развития отечественного государства и права.

В обновлённой системе мер пресечения, сформулированной в ст. 77, 416-419 Устава, был сохранён домашний арест, который, как и в нормах современного уголовно-процессуального права, был обозначен в качестве наиболее жёсткой меры после «взятия под стражу» (аналога современного заключения под стражу).

Отдельные авторы, анализируя правоприменение, осуществляемое в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, отмечают, что «в практической деятельности мера пресечения в виде домашнего ареста почти не избиралась в уголовном судопроизводстве России в силу трудности её применения. Предпочтение отдавалось содержанию под стражей» [42, с. 367].

Другими словами, проблемы правоприменения, связанные с применением мер пресечения столетие назад, были аналогичны современным проблемам.

Домашний арест оставался в качестве своего рода «привилегированного взятия под стражу» и применялся в редких случаях, как правило, на короткий срок, «до предоставления залога или поручительства» [24, с. 48].

При переходе к советскому периоду, в процессе первоначального формирования нового советского уголовно-процессуального законодательства, домашний арест не был обозначен в новой системе мер пресечения, регламентированной в п. 78 «Положения о военных следователях» от 30.09.1919 г. [30]

Тем не менее, уже в первом советском Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. [32] домашний арест вновь был включён

законодателем в систему мер пресечения, заняв, аналогично дореволюционному регулированию, второе по строгости место в данной системе (ст. 147 УПК РСФСР 1922 г.).

Советским законодателем давалось следующее краткое определение такой меры: «Домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой» (ст. 160).

В УПК РСФСР 1923 г. [31] система мер пресечения, обозначенная в ст. 144, сохранилась в неизменном виде. Аналогичной осталась и формулировка нормы, регламентирующей применение домашнего ареста (ст. 157).

Как указывается процессуалистами в работах первой половины XX века, домашний арест в период действия первых советских уголовно-процессуальных кодексов почти не находил применения [48, с. 190].

Поскольку анализируемая мера пресечения в дореволюционной России носила ярко выраженный сословный характер, в конечном итоге, в рамках советской системы мер пресечения, она не нашла систематического применения и была упразднена – ни в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г. [16], ни в УПК РСФСР от 27.10.1960 г. [51] домашний арест законодателем не упоминается, в чём можно заметить идеологическую подоплёку.

Как утверждает А. Фоков, «существование данной меры в период УПК 1960 года было невозможно в силу различных причин, прежде всего идеологических» [58, с. 3].

Спустя около сорока лет, российский законодатель, уже в постсоветский период развития отечественного уголовно-процессуального права, принял решение обозначить домашний арест в обновлённой системе мер пресечения нового российского демократического уголовного судопроизводства, обозначенной в УПК РФ.

В своей первоначальной редакции, как и многие другие меры пресечения, домашний арест был сформулирован очень кратко, что лишало

правоприменителя возможности адекватно применять данную меру пресечения на практике – она была лишена необходимой конкретики и детализации процедуры.

Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [55] порядок применения анализируемой меры был уточнён, а сам текст ст. 107 УПК РФ был значительно расширен.

На данный момент, последними существенными изменениями регламентации домашнего ареста стали уже упомянутые ранее изменения, внесённые Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [56], которыми существенным образом была не только изменена и оптимизирована действующая система мер пресечения, но и подвергнута трансформации сама концептуальная составляющая домашнего ареста, а также его содержание в виде возможных запретов и ограничений.

Подводя итоги первой главы работы, можно сделать следующие выводы.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 107 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что домашний арест – это мера пресечения, избираемая по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого, которая состоит в контролируемой государством изоляции лица от общества в жилом помещении (в исключительных случаях лечебном учреждении) и следовании данным лицом, возложенным на него запретам.

Будучи мерой пресечения, домашний арест воплощает в себе двойственную сущность института мер пресечения, которая заключается в направленности как на пресечение противоправного поведения со стороны подозреваемого или обвиняемого, так и на превентивное воздействие на него, связанное с предупреждением нежелательного поведения.

Домашний арест обладает при этом собственным механизмом пресекаательно-предупредительного воздействия на лицо, подвергнутое уголовному преследованию.

Законодательные изменения, реализованные в 2018 г. применительно к системе мер пресечения, способствовали оптимизации практики применения залога (ст. 106 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) через введённую меру пресечения в виде запрета определённых действий, поскольку запреты, сформулированные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, могут теперь применяться судом в рамках избрания в отношении двух других мер пресечения.

Проведённые новации позволили создать дополнительные и достаточно гибкие механизмы обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого без применения заключения под стражу.

Тем самым созданы предпосылки для более активного внедрения в практику домашнего ареста, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее гуманного отношения к личности и применения к лицу только того необходимого объёма правоограничений, который будет достаточным для обеспечения эффективного превентивного воздействия.

Сказанное подтверждается положительной динамикой роста числа случаев применения домашнего ареста, что следует из данных официальной статистики.

Анализ истории возникновения и развития норм, посвящённых мере пресечения в виде домашнего ареста, говорит о том, что данная мера имеет достаточно глубокие исторические корни.

Её конкретизация в истории отечественного уголовно-процессуального права произошла во второй половине XIX века. В дореволюционной правоприменительной практике, домашний арест применялся редко и в отношении привилегированного сословия.

Можно сделать вывод о том, что проблемы дореволюционной правоприменительной практики, связанные с применением домашнего ареста столетие назад, были аналогичны современным: наличие организационных сложностей, связанных с применением данной меры, приводило к тому, что предпочтение отдавалось содержанию под стражей.

Анализируемая мера оставалась в качестве меры пресечения для представителей привилегированного сословия и применялась в достаточно редких случаях.

В первых советских УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. анализируемая мера имела место, но также не была востребованной. Поскольку анализируемая мера пресечения в дореволюционной России носила ярко выраженный сословный характер, в конечном итоге, в рамках советской системы мер пресечения, она не нашла систематического применения и была упразднена.

Её включение в систему мер пресечения нового российского демократического уголовного судопроизводства произошло уже в рамках принятия нового УПК РФ.

Глава 2 Основания, условия и порядок применения домашнего ареста

2.1 Основания применения домашнего ареста

Основания применения меры пресечения следует рассматривать в качестве базовой составляющей, поскольку именно на уровне оснований определяется целевая направленность и принципиальная возможность применения меры пресечения к конкретному субъекту уголовно-процессуальных отношений, на которого направлено уголовное преследование.

Кроме того, исходя из содержания ч. 1 ст. 101 УПК РФ, основание для избрания меры пресечения должно быть в обязательном порядке отражено в постановлении или определении об избрании меры пресечения.

Анализируя вопрос оснований избрания домашнего ареста, отдельные авторы, например, И.М. Горбатов, выделяют две группы оснований: уголовно-правовые (фактические) и уголовно-процессуальные основания.

При этом, к числу уголовно-правовых оснований данный специалист относит: «установление факта совершения преступления и его квалификацию; наличие лица, причастного к его совершению; достижение лицом возраста наступления уголовной ответственности; наличие состояния вменяемости» [10, с. 59].

Однако, практическая необходимость выделения данной группы оснований вызывает сомнения. Говоря об основаниях применения любой меры пресечения, предусмотренной действующим уголовно-процессуальным законодательством, речь всегда идёт непосредственно об уголовно-процессуальных основаниях, а не о каких-либо иных. Домашний арест не является в этом смысле исключением из общего правила.

Обоснованный вывод о содержании оснований применения домашнего ареста можно сделать исходя из содержания ст. 97 УПК РФ, которая содержит общие процессуальные основания применения мер пресечения.

В качестве основания применения домашнего ареста выступает наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Формулировка «наличие достаточных оснований полагать», которую использует законодатель, вызывает наибольшее число дискуссий в науке, поскольку касается вопроса фактической обоснованности применения меры пресечения к конкретному лицу.

В частности, ставится вопрос о характере того знания, которое лежит в основе формирования упомянутого законодателем «достаточного основания», а также конкретном перечне данных, которыми можно подтвердить наличие такого основания.

В широком плане, основанием избрания меры пресечения, включая домашний арест, выступает побудительная причина, достаточная для формирования у соответствующего субъекта, наделённого властными полномочиями, уверенности в необходимости принятия решения об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения.

Но какими по своему характеру и содержанию могут быть те сведения, на которых базируется формируемое процессуальное основание? И.Л. Петрухин, ещё в период действия УПК РСФСР 1960 г. полагал, что «в основе решений о применении мер пресечения, несмотря на их превентивный характер, должны лежать доказательства» [29, с. 83].

Именно о доказательствах, подтверждающих наличие обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ, ведёт речь Пленум Верховного Суда РФ в

Постановлении от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [38].

Такие доказательства правомерно рассматривать в качестве фактического основания применения любой меры пресечения, включая домашний арест.

Соответственно, сведения, составляющие информационное содержание таких доказательств, должны указывать на то, что субъект, на которого направлено уголовное преследование, если не применить к нему меру пресечения, может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Исходя из положений ч. 1 ст. 97 УПК РФ, можно сделать вывод о цели мер пресечения, необходимость достижения которой обуславливает применение к лицу меры пресечения.

Данная цель состоит в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, пресечения ему возможности скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

При этом, достижение такой цели иным образом, например, посредством обязательства о явке, как иной меры процессуального принуждения с менее репрессивным характером, видится потенциально неэффективным.

Следует заметить, что одних лишь предположений об угрозе противоправного поведения со стороны лица, основанных на интуиции, но не подтверждённых доказательствами, отвечающими закреплённым в УПК РФ

свойствами, не будет достаточно для формирования основания применения меры пресечения.

Но вопрос достоверности сведений, содержащихся в таких доказательствах нуждается в уточнении: нельзя отождествлять достоверность доказательственной информации с достоверностью вывода, основанного на данных доказательствах, о том, что обвиняемый или подозреваемый допустит со своей стороны противоправные препятствия уголовно-процессуальной деятельности.

Верным представляется вывод В.М. Корнукова о том, что «фактические данные, на которых базируется соответствующий вывод, должны быть установлены достоверно, бесспорно, однако сам вывод о возможности наступления определенных фактов, с которыми закон связывает применение мер процессуального принуждения, при этом не всегда становится достоверным» [22, с. 70].

То есть, вероятностный момент всегда присутствует, но, как указывает Н.И. Капинус, «вероятность свойственна не самому основанию для принятия процессуального решения о применении меры пресечения, а будущему поведению обвиняемого» [17, с. 37].

Каким именно образом в действительности поступит лицо, на которое направлено уголовное преследование, мы не можем знать, однако достаточный для применения меры пресечения вероятностный вывод о том, что данное лицо может допустить со своей стороны незаконные действия, направленные на противодействие планомерному и эффективному уголовно-процессуальному производству, на основе соответствующих доказательств, сделать возможно.

Как отмечается в литературе, «в качестве таких доказательств могут быть сведения о прошлых фактах аналогичного поведения: покушении на побег, оказании сопротивления при задержании, нарушении ранее избранной меры пресечения, неявках по вызову без уважительных причин, длительном нахождении в розыске по другим делам» [47, с. 239].

С учётом того, что домашний арест может избираться только по судебному решению, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ, определяющим в вопросе обоснованности применения домашнего ареста будет вывод суда о достаточных основаниях полагать, что обвиняемый или подозреваемый может допустить какое-либо из нарушений, о которых идёт речь в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Предварительный же вывод о наличии оснований для применения домашнего ареста делает тот субъект, который по общему правилу заявляет соответствующее ходатайство: следователь (дознатель), в производстве которого находится уголовное дело.

Также следует отметить, что такой предварительный вывод следователя или дознавателя должен разделяться субъектом, который такое ходатайство согласовывает. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, а также ч. 3 ст. 108 УПК РФ, ходатайство следователя согласовывает руководитель следственного органа, а согласие дознавателя – прокурор.

Если основание применения меры пресечения заключается в определении обоснованности применения таковой в принципе, то конкретизация меры пресечения – выбор наиболее подходящей из существующей системы мер, в данном конкретном случае и к конкретному лицу, осуществляется с учётом ряда условий.

Как уже отмечалось ранее, основание применения меры пресечения является общим для любой меры пресечения, но условия применения меры пресечения можно конкретизировать применительно к каждой конкретной мере пресечения. В связи с этим, далее рассмотрим и проанализируем условия применения домашнего ареста.

2.2 Условия применения домашнего ареста

Из базового характера основания применения меры пресечения следует, что условия применения меры пресечения вторичны, но не менее важны. Основание выступает необходимой предпосылкой для учёта условий. Не

случайно учёт условий должен происходить только при наличии оснований, о чём говорит ч. 1 ст. 99 УПК РФ.

Как указывал З.Д. Еникеев, «под условиями применения мер пресечения следует понимать установленные нормами уголовно-процессуального закона или с очевидностью вытекающие из них обстоятельства, с наличием которых связаны возможность, целесообразность и правильность использования мер пресечения» [14, с. 34].

Данные условия нужны для того, чтобы конкретизировать меру пресечения – выбрать из закреплённого в УПК РФ перечня разноплановых мер именно ту, которая позволит реализовать цель института мер пресечения в конкретном случае, применительно к конкретному обвиняемому или подозреваемому.

Как подчёркивается Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 19.12.2013 г. № 41, ограничения прав и свобод в рамках применения мер пресечения, «могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми» [38].

Только адекватный учёт анализируемых условий даёт возможность субъекту, наделённому властными полномочиями, применить такую меру пресечения, которая создаст оптимальный баланс между интересами личности, вовлечённой в сферу уголовно-процессуальной деятельности и публичными интересами государства и общества.

Условия применения домашнего ареста можно условно разделить на общие и специальные. Общими будут выступать условия, применимые к выбору любой меры пресечения (включая домашний арест), а специальные предполагают обязательный учёт при выборе именно домашнего ареста, поскольку «их отсутствие препятствует применению определенной меры пресечения к конкретному обвиняемому (подозреваемому)» [5, с. 185]. Проанализируем их далее.

Общие условия применения домашнего ареста можно сформулировать на основе обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, перечисленных в ч. 1 ст. 99 УПК РФ.

Таковые можно условно разделить на две категории:

Условия, относящиеся к инкриминируемому лицу преступлению:

- категория тяжести преступления;
- фактический его характер и степень общественной опасности преступления.

Условия, относящиеся к личности подозреваемого или обвиняемого:

- возраст;
- состояние здоровья;
- семейное положение;
- род занятий;
- другие обстоятельства.

Перечень обстоятельств, обозначенных в ч. 1 ст. 99 УПК РФ, сформулирован открытым, что позволяет говорить о том, что в пользу избрания домашнего ареста правоприменитель может учесть в качестве общего условия и иные обстоятельства «которые могут прямо, или косвенно способствовать выводу о возможности обеспечения должного поведения лица, посредством применения конкретной меры пресечения» [10, с. 60].

Под категорией тяжести преступления понимается категория преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, определяемая с учётом положений ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации [52] (УК РФ).

Фактический его характер и степень общественной опасности преступления предполагает учёт широкого спектра обстоятельств, характеризующих деяние с точки зрения объективных и субъективных признаков состава преступления: «было ли преступление окончено или же имело место приготовление к преступлению либо покушение на него, количество эпизодов преступной деятельности, вид соучастия (совершение

преступления организованной группой или преступным сообществом), способ и последствия – характер и размер ущерба, наличие обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, а также форму вины, мотивы и цели совершения преступления» [25, с. 191].

Применительно к домашнему аресту, в качестве таковых может выступать, например, подозрение или обвинение в совершении умышленного преступления средней тяжести без отягчающих наказание обстоятельств.

Условия, относящиеся к личности подозреваемого или обвиняемого максимально конкретны и индивидуальны. В общем плане, они позволяют максимально учесть субъективные особенности данного лица и определить выбор оптимального, эффективного и соразмерного для данного лица предупредительного воздействия, позволяющего достичь необходимого результата.

Так важно учитывать возраст обвиняемого, подозреваемого. Как отмечено в уже упомянутом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41, «особое внимание надлежит обращать на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не достигших 18 лет, - на их возраст, условия жизни и воспитания, особенности личности, влияние на них старших по возрасту лиц, в том числе их законных представителей» (п. 39).

Помимо несовершеннолетнего возраста, на выбор домашнего ареста может повлиять престарелый возраст обвиняемого или подозреваемого, проходящего по делу.

Важным условием, связанным с возможностью и целесообразностью применения домашнего ареста, выступает учёт состояния здоровья лица.

К числу заболеваний, которые могут обусловить применение домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу следует отнести как заболевания из Перечня тяжёлых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, утверждённых постановлением Правительства РФ от 14.01.2011 г. № 3 [39],

так и иные заболевания и состояния, требующих постоянного постороннего ухода, срочного хирургического вмешательства и т.п.

Кроме того, с учётом состояния здоровья лица, местом содержания под домашним арестом, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ, может выступать лечебное учреждение, что также свидетельствует о важности анализируемого условия в контексте избрания домашнего ареста.

Относительно семейного положения, следует учесть, как наличие супруга (супруги), так и несовершеннолетних и (или) престарелых членов семьи, нуждающихся в уходе.

Как правило, наличие брачно-семейных отношений, совместное проживание с членами семьи, могут создавать дополнительные предпосылки для применения домашнего ареста, как меры пресечения, позволяющей сохранить семейные отношения. Кроме того, устойчивые семейные связи могут рассматриваться как дополнительный ресурс, удерживающий подозреваемого или обвиняемого от нежелательных действий.

Род занятий, в комплексе с семейным положением, в особенности, если подозреваемый или обвиняемый работает удалённо (или в качестве самозанятого), может рассматриваться как условие, свидетельствующее о целесообразности избрания именно домашнего ареста, для того, чтобы лицо сохраняло возможность трудиться, обеспечивая себя и свою семью в период производства предварительного расследования.

В качестве иных обстоятельств негативно, или наоборот положительно характеризующих обвиняемого или подозреваемого, может быть учтено: совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда и т.д.

Совершенно оправданно, что перечень условий, относящихся к личности подозреваемого или обвиняемого, является открытым – невозможно

заранее предусмотреть, какие именно личностные свойства и качества, а также какие именно заслуги подозреваемого или обвиняемого перед обществом и государством могут оказать своё влияние на соблюдение установленных запретов, определяемых применением меры пресечения.

Мир полон самых разных житейских ситуаций и задача правоприменителя в лице суда дать им должную оценку в контексте определения их значимости для избрания соответствующей меры пресечения, которая будет действенной и эффективной.

В определённой мере, процесс оценки условий судом является сугубо индивидуальным и во многом творческим, разные судьи одни и те же условия могут воспринять и оценить по-разному, в зависимости от своего мировоззрения, своих жизненных приоритетов и ценностей, интеллектуального и духовного развития.

Так, судья, являющийся атеистом, вряд ли придаст значение наличию у обвиняемого наград Русской Православной Церкви, а судья, интересующийся искусством вполне может учесть в качестве условия, в пользу избрания домашнего ареста, как менее строгой меры, чем лишение свободы, осуществление обвиняемым благотворительной деятельности, связанной с поддержкой музея современного искусства.

Также важно помнить о необходимости оценки всех общих условий в едином комплексе. Так, например, «могут существовать доказательства, подтверждающие совершение определенным лицом тяжкого преступления, но личностные качества человека таковы, что наиболее целесообразным будет избрание в отношении него меры пресечения в виде домашнего ареста. И наоборот, имеют место ситуации, когда лицо, даже и совершившее преступление средней тяжести, обладает столь значительным набором отрицательных качеств личности, что избрание в отношении него данной меры пресечения видится явно нерациональным» [46, с. 22].

Специальные условия применения домашнего ареста отдельно по тексту главы 13 УПК РФ не выделены, но их можно сформулировать логическим путём, с учётом положений ст. 107 УПК РФ.

В качестве специальных условий применения меры пресечения в виде домашнего ареста можно считать:

- невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения;
- наличие жилого помещения, в котором обвиняемый или подозреваемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- согласие обвиняемого или подозреваемого на применение к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

Рассмотрим указанные специальные условия более подробно.

Первое из обозначенных условий регламентировано в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, а также подчёркивается в п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41.

Поскольку данная мера пресечения является самой строгой после заключения под стражу и её применение связано с ограничением важнейших конституционных прав и свободы личности, «логично и гуманно исходить из необходимости применения к лицу той меры пресечения, которая позволит достичь поставленной цели с минимальным репрессивным воздействием» [27, с. 101].

Вполне логично, что для того, чтобы лицо было подвергнуто домашнему аресту, у него должен быть дом, а значит, наличие жилого помещения, в котором соответствующий субъект уголовного судопроизводства проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, выступает в качестве ключевого условия, обусловленного самой природой домашнего ареста.

Нормативное определение жилища даётся в рамках жилищного законодательства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 15 Жилищного кодекса

Российской Федерации (ЖК РФ), «жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан» [15].

Законодатель верно подчеркнул, что лицо, на которое направлено уголовное преследование, может выступать собственником жилого помещения, но может в нём проживать и не будучи собственником – на иных основаниях, определяемых как «законные».

Благодаря такой оговорке, созданы предпосылки более широкого избрания домашнего ареста в случаях, когда обвиняемый или подозреваемый проживает в квартире близкого родственника, а также в арендованной квартире, на основании договора аренды и т.д.

При этом, к жилым помещениям относятся: «жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната» (ч. 1 ст. 16 ЖК РФ).

Но в рамках применения нормы о домашнем аресте, используется более широкое значение категории «жилое помещение», чем в жилищном законодательстве.

Под жилым помещением для целей ст. 107 УПК РФ понимается и «иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» (п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41).

Согласие обвиняемого или подозреваемого на применение к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, в рамках применения домашнего ареста, следует из положений ч. 14 ст. 107 УПК РФ, в соответствии с которыми отказ на применение обозначенных средств контроля влечёт возможность замены домашнего ареста на более строгую меру пресечения – заключение под стражу.

Таким образом, при наличии соответствующих оснований и условий, в отношении подозреваемого или обвиняемого может быть избран домашний арест в качестве оптимальной и эффективной меры пресечения.

Следует отметить, что в науке обозначены подходы к определению критериев эффективности мер пресечения.

Так, Н.А. Андроник называет в качестве таковых следующие: «оптимальность законодательной регламентации, обеспечивающая реальность избрания и применения меры пресечения в установленный законом срок при обеспечении прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) и полноты установления обстоятельств дела, необходимых для избрания конкретной меры пресечения; минимально необходимый уровень ограничения прав обвиняемого (подозреваемого); максимальная степень достижения цели применения мер пресечения, каковыми являются: предупреждение совершения новых преступлений; пресечение преступной деятельности обвиняемого (подозреваемого), возможности скрыться от предварительного расследования и суда; нейтрализация незаконного противодействия обвиняемого (подозреваемого) производству по уголовному делу; обеспечение исполнения приговора» [1, с. 9].

Автор рассматривает эффективность в широком смысле, включая в содержание данной категории и непосредственную процессуальную регламентацию конкретной меры пресечения.

Однако, наиболее важным аспектом эффективности меры пресечения, включая домашний арест, выступает аспект сугубо практический – связанный с результатом в виде достижения цели, ради которой мера пресечения применяется к конкретному субъекту по конкретному уголовному делу, находящемуся в производстве.

В этой связи, возможность достижения такой цели должна быть поставлена «во главу угла» при оценке эффективности соответствующей меры пресечения.

Далее представляется целесообразным рассмотреть особенности процессуального порядка избрания домашнего ареста.

2.3 Порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста

С учётом того, что мера пресечения в виде домашнего ареста, вторгается в сферу конституционно-правовых гарантий свободы личности, её применение возможно только на основании судебного решения, с учётом того, что в российском уголовном судопроизводстве исключительно суду отводится особая по значимости роль гаранта законности и обоснованности ограничения базовых конституционных прав и свобод гражданина.

В нормах УПК РФ, законодатель предусматривает судебный порядок избрания мер пресечения для четырёх наиболее строгих мер: заключения под стражу, домашнего ареста, залога и новой меры пресечения в виде запрета определённых действий, что вполне обосновано, так как данные меры пресечения существенно ограничивают конституционные прав и свободы обвиняемых или подозреваемых.

В соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ, решение суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста выносится в порядке, который обозначен в ст. 108 УПК РФ, регламентирующей применение заключения под стражу, с учётом ряда особенностей домашнего ареста.

Как правило, инициирует применение домашнего ареста лицо, в чьём производстве находится конкретное уголовное дело – следователь или дознаватель. Дополнительной гарантией обоснованного применения столь строгой меры процессуального принуждения является необходимость согласования ходатайства следователя руководителем следственного органа, а ходатайства дознавателя – прокурором.

После такого согласования, ходатайство подлежит единоличному рассмотрению судьёй районного суда (или военного суда соответствующего уровня).

В ч. 4 ст. 108 УПК РФ, законодатель указывает на необходимость обязательного участия в судебном рассмотрении такого ходатайства подозреваемого или обвиняемого, прокурора и защитника, если последний

участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд.

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит постановление об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста, либо об отказе в удовлетворении данного ходатайства (ч. 4 ст. 107 УПК РФ).

Примечательно, что, отказывая удовлетворить ходатайство об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе может избрать в отношении данного лица одну из двух менее строгих мер пресечения, избираемых по судебному решению – запрет определенных действий или залог.

Также следует заметить, что судебное решение об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста может состояться и при рассмотрении ходатайства должностного лица стороны обвинения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку, в соответствии с ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, «при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста».

То есть, в рамках проявления своей инициативы, судья, отказывая в применении более строгой меры пресечения, может применить меру менее строгую, но достаточную для достижения цели мер пресечения в конкретном случае, применительно к конкретному лицу.

Таким образом, законодатель регулирует степень репрессивного воздействия, применяемого к лицу, на которое направлено уголовное преследование, делегируя суду возможность применить более мягкую меру пресечения вместо более жёсткой, о которой заявлено ходатайство, что говорит об определённой гуманистической направленности процессуального порядка применения наиболее строгих мер пресечения, включая домашний арест.

Можно согласиться с выводом отдельных исследователей о том, что «избрание меры пресечения, состоит в совокупности процессуальных действий следователя (дознателя), а также суда, связанных с выбором в рамках производства по уголовному делу конкретной меры пресечения в отношении конкретного подозреваемого, обвиняемого» [1, с. 16].

В рамках принятия решения об избрании домашнего ареста, суд вправе установить в отношении подозреваемого или обвиняемого запреты, предусмотренные п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

При этом, в зависимости от ряда общих условий применения меры пресечения, имеющих место в конкретном случае, суд вправе ограничиться применением любого из обозначенных ограничений, либо применить их все. Так судом может быть учтена категория тяжести преступления, род занятий подозреваемого или обвиняемого и т.д.

В частности, суд может не устанавливать запрет на использование средства связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», допуская возможность лицу работать в удалённом режиме в период действия домашнего ареста.

В дальнейшем, в соответствии с ч. 8 ст. 107 УПК РФ, данные запреты могут быть скорректированы судом как в пользу смягчения, так и в пользу

ужесточения по ходатайству подозреваемого (обвиняемого), его защитника, законного представителя, а также следователя или дознавателя.

Очевидно, что, устанавливая номинальный срок домашнего ареста, законодатель ориентировался на срок основной формы расследования – предварительного следствия, равный двум месяцам.

Указанный срок может продляться в том же порядке, который предусмотрен для заключения под стражу (ст. 109 УПК РФ) при невозможности закончить предварительное следствие в данный срок и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения.

В качестве ключевых моментов, которые должны отражаться в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, законодатель называет в ч. 9 ст. 107 УПК РФ:

- условия исполнения данной меры пресечения (в том числе место изоляции лица от общества);
- срок домашнего ареста;
- запреты, установленные судом в отношении лица;
- способы связи со следователем, дознавателем и контролирующим органом.

Данное судебное решение подлежит немедленному исполнению. В соответствии с ч. 6 ст. 107 УПК РФ, оно «направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому».

Что касается обеспечения контроля за соблюдение возложенных на подозреваемого или обвиняемого запретов, то до расширения нормативной регламентации, законодатель оставлял без должного внимания вопрос о том, кто именно должен осуществлять такой контроль.

Так, отдельные специалисты высказывали своё мнение о том, что «надзор за обвиняемым должен осуществляться судебными приставами» [49, с. 158].

В современном регулировании назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения, такой непосредственный контроль, в соответствии с ч. 10 ст. 107 УПК РФ и ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, возложен на орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Дискутируемый ранее в публикациях вопрос о том, каким именно образом осуществлять контроль за местонахождением лица, находящегося под домашним арестом, «на данный момент успешно разрешается путём внедрения практики использования электронных устройств контроля» [19, с. 53].

Помимо данных устройств, в правоприменительной практике активно используются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень которых установлен Постановлением правительства РФ от 18.02.2013 г. № 134 [40].

Таким образом, законодатель уделил необходимое внимание вопросу регламентации порядка избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения, а также вопросу непосредственного осуществления контроля за соблюдением тех правоограничений, с которыми сопряжена реализация домашнего ареста на практике при производстве по уголовным делам.

Подводя итоги второй главы работы, можно сделать следующие выводы.

В широком плане, основанием избрания меры пресечения, включая домашний арест, выступает побудительная причина, достаточная для формирования у соответствующего субъекта, наделённого властными полномочиями, уверенности в необходимости принятия решения об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения.

Цель мер пресечения состоит в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, пресечения ему возможности скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного

судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

При этом, достижение такой цели иным образом, например, посредством обязательства о явке, как иной меры процессуального принуждения с менее репрессивным характером, видится потенциально неэффективным.

Если основание применения меры пресечения заключается в определении обоснованности применения таковой в принципе, то конкретизация меры пресечения – выбор наиболее подходящей из существующей системы мер, в данном конкретном случае и к конкретному лицу, осуществляется с учётом ряда условий.

Условия применения домашнего ареста можно условно разделить на общие и специальные. Общими будут выступать условия, применимые к выбору любой меры пресечения (включая домашний арест), а специальные предполагают обязательный учёт при выборе именно домашнего ареста.

Общие условия можно разделить на две категории:

Условия, относящиеся к инкриминируемому лицу преступлению:

- категория тяжести преступления;
- фактический его характер и степень общественной опасности преступления.

Условия, относящиеся к личности подозреваемого или обвиняемого:

- возраст;
- состояние здоровья;
- семейное положение;
- род занятий;
- другие обстоятельства.

Специальные условия применения домашнего ареста отдельно по тексту главы 13 УПК РФ не выделены, но их можно сформулировать логическим путём, с учётом положений ст. 107 УПК РФ.

В качестве специальных условий применения меры пресечения в виде домашнего ареста можно считать:

- невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения;
- наличие жилого помещения, в котором обвиняемый или подозреваемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- согласие обвиняемого или подозреваемого на применение к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

УПК РФ предусматривает исключительно судебный порядок избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения. Как правило, инициирует применение домашнего ареста лицо, в чьём производстве находится конкретное уголовное дело – следователь или дознаватель. Дополнительной гарантией обоснованного применения столь строгой меры процессуального принуждения является необходимость согласования ходатайства следователя руководителем следственного органа, а ходатайства дознавателя – прокурором.

Законодатель регулирует степень репрессивного воздействия, применяемого к лицу, на которое направлено уголовное преследование, делегируя суду возможность применить более мягкую меру пресечения вместо более жёсткой, о которой заявлено ходатайство, что говорит об определённой гуманистической направленности процессуального порядка применения наиболее строгих мер пресечения, включая домашний арест.

Глава 3 Проблемные вопросы применения домашнего ареста

3.1 Проблемные аспекты законодательного регулирования и практики применения домашнего ареста

Несмотря на развитие нормативной детализации домашнего ареста, принятое в последние годы, законодательное регулирование, как и правоприменительная практика, связанные с данной мерой пресечения, продолжают содержать ряд проблемных аспектов, которые активно обсуждаются учёными и практиками.

В большинстве своём, данные проблемы связаны с неоднозначным толкованием соответствующих нормативных положений, а также с противоречиями между существующим регулированием и практикой его реализации в уголовно-процессуальной деятельности.

Для решения данных проблем необходим научный анализ и выработка единого, научно обоснованного и непротиворечивого подхода.

В частности, неоднозначным с практической точки зрения является решение вопроса о включении в содержание категории «жилое помещение», применительно к домашнему аресту, придомовой территории.

Отдельные авторы делают категорический вывод о том, что «местом домашнего ареста должно быть только жилое помещение, так как возможность выхода на земельный участок или придомовую территорию не может обеспечить изоляцию от общества» [23, с. 136].

Однако, исходя из особенностей проживания в частном доме, такое толкование представляется ошибочным, особенно в случае, когда лицо проживает в неблагоустроенном доме (без санузла), что обуславливает физиологическую и санитарную необходимость выхода за пределы жилого дома, но в пределах придомовой территории.

Региональная судебная практика уверенно идёт по данному пути. Так, в Постановлении Наримановского районного суда Астраханской области от

17.07.2018 г. по делу № 3/124/2018 при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста «жилым помещением» считались «пределы домовладения, включающего жилой дом и земельный участок» [37].

Также как следует из постановления Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17.09.2018 г. по делу № 3/4-11/18, под «жилым помещением», при избрании домашнего ареста, подразумевался «жилой дом и придомовая территория» [33].

Примечательно, что подобный вопрос не возникает при включении в содержание категории «жилое помещение» балкона, лоджии, веранды и прочих взаимосвязанных с жилой квартирой или домом территорий и помещений.

Отдельные авторы, например, И.С. Федотов, делают верный вывод о том, что «судье при принятии решения о применении к лицу домашнего ареста следует учитывать характеристику соответствующего жилого помещения (например, частный дом с огороженным земельным участком или квартира с балконом и оборудованным тамбуром на лестничной площадке и т.д.)» [57, с. 28].

Таким образом, представляется обоснованным включение в содержание категории «жилое помещение», применительно к домашнему аресту, органически взаимосвязанных с жилым помещением территорий и помещений (балкона, веранды, придомовой территории и т.д.)

М.В. Колесников также верно указывает, что имеется неопределённость в вопросе возможности использования для изоляции обвиняемого или подозреваемого в рамках применения домашнего ареста «общежития или гостиничного номера, которые отвечают такому критерию, как использование для временного проживания» [20, с. 243].

Как представляется, подобная категория помещений для применения домашнего ареста является малопригодной. Если в отношении общежития вопрос и может потенциально быть решён положительно, то применительно к гостиничному номеру гарантировать соблюдение запретов вряд ли возможно,

особенно с учётом того, что пребывание в гостиничном номере сопряжено с посуточными финансовыми затратами.

В целом же, как представляется, уточнение анализируемого выше вопроса о содержании категории «жилое помещение» было бы целесообразно детализировать в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41.

Несмотря на то, что проживание лица, на которое направлено уголовное преследование, не являющегося собственником (или сособственником) жилого, возможно, в соответствии с положениями ст. 247 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] (ГК РФ), только с согласия всех совладельцев, законодатель, регламентируя домашний арест, почему-то не предусматривает согласие собственников жилья в качестве условия для реализации данной меры пресечения.

В соответствии с ч. 10 ст. 107 УПК РФ и взаимосвязанной с ней ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, обеспечение изоляции подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, а также контроль за соблюдением возложенных запретов, обеспечивается, в том числе, с помощью аудиовизуальные, электронных и иных технических средств контроля, перечень которых, как уже было ранее отмечено, установлен Постановлением правительства РФ от 18.02.2013 г. № 134 [40].

Вполне очевидно, что использование данных технических средств существенным образом ограничивает конституционные прав и свободы других лиц, проживающих совместно с гражданином, в отношении которого избирается домашний арест.

Более того, использование подобных устройств в жилище граждан без их согласия недопустимо с точки зрения процессуальных гарантий обеспечения законности при применении мер пресечения.

В этой связи некоторые авторы, например, И.В. Головинская и С.В. Гущин, полагают, что необходимо законодательно «закрепить требование об обязательном выяснении мнения собственника жилья по

вопросу применения меры пресечения в виде домашнего ареста к проживающему в данном помещении лицу. Несогласие собственника жилья с нахождением лица под домашним арестом в принадлежащем собственнику помещении должно служить основанием к избранию меры пресечения, отличной от данной меры» [9, с. 125].

Такой вариант решения проблемы возможен, однако, следует заметить, что в настоящее время данный пробел, имеющийся в УПК РФ, корректируется на уровне подзаконных нормативных документов, которыми регламентируется и детализируется порядок осуществления контроля за лицом, в отношении которого применена анализируемая мера пресечения.

В частности, в приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 г. [41] предусматривается, что «в случае несогласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым в качестве собственника или нанимателя либо на иных законных основаниях, на установку устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения ... сотрудниками Инспекции составляется акт и о данных фактах информируются, в том числе с использованием средств телефонной связи, органы дознания или следственные органы», что в свою очередь может послужить основанием для применения положений ч. 13 ст. 107 УПК РФ и обусловить изменение меры пресечения в виде домашнего ареста.

Тем не менее, для обеспечения большей прозрачности процедуры применения домашнего ареста, в контексте обеспечения прав и свобод личности, вопрос получения согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым или обвиняемым, к которому применяется анализируемая мера пресечения, следует отразить непосредственно в ст. 107 УПК РФ.

Обращаясь к нормативной регламентации запретов, которые суд вправе установить лицу в рамках избрания домашнего ареста, можно отметить ряд спорных моментов, а также пробелов в регулировании.

Применяя запрет, предусмотренный п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, на общение с определенными лицами, «суд должен указать данные,

позволяющие идентифицировать этих лиц», как это следует из п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41.

Но что именно следует считать должной идентификацией? Будет ли данное требование выполнено, если в судебном решении будут фигурировать обобщающие формулировки?

Так, в рамках избрания меры пресечения, Постановлением Тверского районного суда г. Москвы от 14.06.2018 г. в отношении К.Ф.А., судом был установлен запрет «общаться с Д***., В***., Б***., Л***., С***., К***., Б***., Ю***., З***., Ж***., О***., К***., В***., С***., К***., К***., М***., Щ***., и иными действующими или бывшими сотрудниками группы компаний «***» [3].

Думается, что, устанавливая обобщающий запрет на общение «с иными действующими или бывшими сотрудниками группы компаний «***» суд не привёл в полной мере данные, позволяющие идентифицировать таких лиц, а значит запрет лишён необходимой конкретики, позволяющей его соблюсти. Обвиняемый, в отношении которого установлен данный запрет, может и не быть осведомлено о том, что определённое лицо в прошлом являлось сотрудником компании.

В этой связи, при установлении такого запрета суду следует конкретизировать в судебном решении каждого гражданина (как минимум, посредством указания его фамилии, имени и отчества), общение с которым со стороны обвиняемого не допускается.

Запрет, связанный с отправлением и получением почтово-телеграфных отправлений, предусмотренный п. 4 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, также может быть установлен в рамках избрания домашнего ареста.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 в этой связи лишь указывается, что «для установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ» (п. 40).

К сожалению, особенностям реализации данного запрета и в литературе уделяется крайне мало внимания. Как правило, при данный запрет констатируется и указывается, что к почтово-телеграфным отправлением относятся: «посылки, почтовые контейнеры, письменная корреспонденция (простые и регистрируемые письма, почтовые карточки) и т.д.» [25, с. 325].

Однако отдельные суждения по поводу данного запрета видятся довольно радикальными.

Так, Н.А. Андроник в своём исследовании высказывает суждение о том, что «для эффективности контроля поведения обвиняемого (подозреваемого) необходимо запретить отправку и получение почтово-телеграфных отправлений всеми членами семьи данного лица, а также иных лиц, указанных получателями в почтово-телеграфных отправлениях по адресу реализации домашнего ареста. Кроме того, необходимо разрешить следователю, дознавателю вскрытие и осмотр корреспонденции, поступающей на имя подозреваемого или обвиняемого, всех членов семьи, а также иных лиц, указанных получателями в почтово-телеграфных отправлениях по соответствующему адресу» [1, с. 17].

Подвергать подобным ограничениям конституционных прав и свобод лицо, не вовлекаемое в производство по уголовному делу в качестве подозреваемого (обвиняемого), а являющееся всего лишь лицом, совместно проживающими с таковым, не укладывается в рамки существующих взглядов на природу ограничений прав и свобод индивида, гарантированных на конституционно-правовом уровне.

Что касается запрета на использование средств связи и сети «Интернет», предусмотренного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то многие авторы подчёркивают его значение в современных условиях. Так О.В. Овчинникова, полагает, что «для обеспечения задач уголовного судопроизводства целесообразно усилить контроль за поведением подозреваемых (обвиняемых) в виртуальном пространстве, расширив практику применения запрета на использования

информационно-коммуникационной сети Интернет совместно и иными мерами пресечения» [28, с. 75].

Но возможности полноценного контроля за его соблюдением данного запрета, при этом, видится многим авторам маловероятной.

Дело в том, что анализ порядка контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов, установленного на уровне упомянутых ранее подзаконных актов, позволяет сделать вывод о том, что использование технических средств, в основном, позволяет обеспечить лишь контроль за нахождением лица в месте изоляции от общества, путём отслеживая его местонахождения.

Однако, как отмечает в своей работе И.С. Федотов, «этого недостаточно для обеспечения полного контроля за соответствующим лицом. Современный уровень развития электронных технологий не позволяет в полной мере контролировать исполнение запрета в той части, где говорится об использовании средств связи и сети Интернет, и никто не может дать гарантии, что у обвиняемого не будет электронных устройств, о которых неизвестно контролирующим органам» [57, с. 28].

Есть мнение о том, что полный запрет на использование сети «Интернет» является «анахронизмом, не соответствующим современному уровню цифровизации общества, с учетом возросшей роли онлайн сервисов в жизни общества и государства» [28, с. 75].

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ не говорит о данном запрете, как абсолютном, несмотря на используемые законодателем формулировки.

Так, в Постановлении от 19.12.2013 г. № 41 подчёркивается, что: «При возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением –

если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения)» (п. 40).

О.В. Овчинникова полагает, что данный запрет следовало бы переформулировать, сузив до строго определённых действий, совершаемых в сети «Интернет»: «использовать средства связи и информационно-коммуникационную сеть Интернет для посещения определенных сайтов, общения с определенными лицами, посещения определенных онлайн мероприятий и участия в них» [28, с. 75].

Данное предложение видится интересным и актуальным, но нуждается в дополнительной проработке, с учётом того, что даже в своей действующей редакции контроль за соблюдение данного запрета обеспечить достаточно сложно.

В этой связи, правоприменителю необходимо учитывать современное развитие цифровых технологий и способствовать дальнейшему расширению условий для осуществления эффективного контроля за лицом, к которому применён подобный запрет в рамках назначенной меры пресечения.

Возможным решением анализируемой проблемы на данном этапе может стать комплексное использование различных средств технического контроля, включая использование аудиовизуальных средств.

Далее уделим внимание вопросам совершенствования законодательства и практики применения домашнего ареста в современном уголовно-процессуальном регулировании.

3.2 Предложения по совершенствованию законодательства и практики применения домашнего ареста

Ряд проблемных аспектов, связанных с нормативной регламентацией и практикой применения домашнего ареста нуждается не только в правильном понимании и толковании, но и последовательном совершенствовании, путём внесения изменений в нормы УПК РФ.

В ч. 1 ст. 107 УПК РФ законодатель предусматривает возможность содержания под домашним арестом в медицинском учреждении в обычном порядке, а в ч. 11 ст. 107 УПК РФ регламентирует помещение лица, находящегося под домашним арестом в медицинское учреждение в экстренном порядке.

Вместе с тем, как замечают отдельные специалисты, «медицинские критерии состояния здоровья и порядок их установления применительно к домашнему аресту законодательно не закреплены» [10, с. 62].

Существующая законодательная недосказанность по данному вопросу не позволяет определить, хотя бы примерно, перечень заболеваний, наличие которых у подозреваемого или обвиняемого могут обусловить возникновение потребности определить ему в качестве места изоляции лечебную организацию, а также порядок проведения соответствующего медицинского освидетельствования.

Кроме того, в данной уголовно-процессуальной норме не предусмотрено получение на это согласия руководителя такого учреждения, что видится не логичным, с учётом того, что именно руководитель медицинской организации несёт ответственность за качественное и отвечающее требованиям безопасности оказание медицинских услуг.

Как представляется, отсутствие такого согласия должно создавать препятствие для определения конкретного медицинского учреждения в качестве места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и влечь: определение другого медицинского учреждения, соответствующее поставленной задаче обеспечить содержание подозреваемого или обвиняемого по медицинским показаниям под домашним арестом в подобной организации, либо отказ в избрании домашнего ареста с рассмотрением возможности применения иной меры пресечения.

Для нормативного решения данного вопроса в последнее предложение ч. 1 ст. 107 УПК РФ следует ввести указание на необходимость согласия руководителя медицинского учреждения.

С учётом внесённого уточнения, данное предложение может быть сформулировано следующим образом: «... С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение, с согласия руководителя данного учреждения».

Как уже отмечалось ранее, в современной редакции обновлённой ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест, стал заключаться в полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества.

Возможность регламентации домашнего ареста, как меры, которая может реализовываться в условиях полной изоляции от общества, обсуждалась ещё более двадцати лет назад как применительно к российскому уголовно-процессуальному праву, так и применительно к уголовному процессу стран ближнего зарубежья.

Так, К.Т. Балтабаев указывал, что «домашний арест в условиях полной изоляции, в отличие от содержания под стражей, не должен пониматься как абсолютный запрет на выход из жилища» [4, с. 15].

Но возможные пределы изоляции весьма субъективны. Кроме того, законодатель в действующей редакции ст. 107 УПК РФ всё же избрал путь регламентации таковой, как «полной».

Возможны ли и целесообразны ли допущения исключения из сформулированного самим же законодателем норматива?

Анализ правоприменительной практики демонстрирует некоторые отступления от данного категоричного правила. В частности, в отдельных судебных решениях фигурирует предоставляемая подозреваемым или обвиняемым ежедневная возможность покидать жилище для совершения прогулки.

Так, в одном из судебных постановлений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в числе устанавливаемых запретов фигурировал запрет «покидать без письменного разрешения лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, и контролирующего органа место

жительства, за исключением 1 часа прогулки с 11 до 12 часов ежедневно в районе места жительства» [36].

Аналогичные формулировки присутствуют и в иных судебных решениях. Так, постановлением Ершовского районного суда Саратовской области обвиняемому, при избрании домашнего ареста, «разрешены ежедневные прогулки с 11 до 13 часов» [34]; в Апелляционном постановлении Иркутского областного суда содержится адресованное обвиняемому разрешение «покидать жилое помещение для прогулок с 12 до 14 часов» [2].

Тем не менее, предоставление лицу возможности совершать прогулки, при назначении меры пресечения в виде домашнего ареста, не соответствуют законодательной конструкции домашнего ареста, поскольку в подобной ситуации речь уже будет идти не о полной, а о частичной изоляции от общества, что имело место в утратившей силу редакции ст. 107 УПК РФ.

Однако, сама возможность совершать кратковременные прогулки не противоречит сущности домашнего ареста. Кроме того, возможность совершения прогулок предусматривается даже в отношении лиц, к которым применена более строгая мера пресечения – заключение под стражу и это не случайно. Нахождение в ограниченном пространстве, как отмечается в литературе, «влечет гиподинамию и неудовлетворительные условия для оказания своевременной медицинской помощи, что рассматривается в качестве фактора риска для здоровья человека» [59, с. 9].

При недостаточной двигательной активности поражаются основные жизненно важные системы организма. Таким образом, можно резюмировать, что длительное пребывание в полной изоляции от общества может повлечь серьёзное ухудшение состояния не только общего самочувствия, но и здоровья подозреваемого или обвиняемого.

Как пишет по данному поводу Е.В. Ларкина, «правоприменитель поставлен перед выбором: либо обвиняемый при домашнем аресте будет пребывать в более комфортных условиях по месту жительства, но без прогулок, либо, если он желает осуществлять прогулки или нуждается в них

(например, по состоянию здоровья), в отношении него избирается или заключение под стражу (и тогда он сможет реализовывать свое право на прогулки в условиях содержания в следственном изоляторе)» [23, с. 136].

Для решения данной дилеммы, в ст. 107 УПК РФ следует предусмотреть нормативную возможность предоставления подозреваемому или обвиняемому (на усмотрение суда) совершать прогулки в качестве исключения из общего правила об изоляции в жилом помещении.

Для этого в текст ст. 107 УПК РФ можно ввести дополнительный п. 13.1 следующего содержания: «На усмотрение суда, подозреваемому или обвиняемому может быть установлена возможность покидать место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста для совершения прогулок, с определением режима таких прогулок (периодичности, места и времени совершения)».

Данное изменение позволит придать упомянутой выше судебной практике вид, непротиворечащий ст. 107 УПК РФ.

Применение при назначении домашнего ареста запрета на использование средств связи (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) ограничивается положением ч. 8 ст. 107 УПК РФ, в соответствии с которым: «... Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган».

Здесь законодатель очерчивает ситуации, при которых звонок со стороны лица, находящегося под домашним арестом, будет являться правомерным действием, не влекущим негативные последствия. Но обращает на себя внимание, что законодателем не учтена очевидная необходимость

совершать звонки со стороны подозреваемого (обвиняемого) в адрес своего защитника.

Запрет таких диалогов, с учётом подробной регламентации права на защиту в уголовно-процессуальном законодательстве, невозможен при существующем подходе, поскольку такой запрет был бы направлен на препятствование реализации права на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренного ст. 48 Конституции РФ.

Также, установление в ч. 8 ст. 107 УПК РФ необходимости сообщать в контролирующий орган о каждом звонке, адресованном перечисленным в данной норме лицам, включая контролирующий орган, выглядит странным и нелогичным. Вполне понятно, что сообщать о звонке в контролирующий орган этому же контролируемому органу абсурдно.

Таким образом, для устранения обозначенного пробела в регламентации запрета на использование средств связи при применении домашнего ареста, в ч. 8 ст. 107 УПК РФ следует внести соответствующее изменение.

В новой редакции критикуемый абзац данной нормы может быть сформулирован следующим образом: «... Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с дознавателем, следователем или защитником. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган».

Подводя итоги третьей главы работы, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на развитие нормативной детализации домашнего ареста, предпринятое в последние годы, законодательное регулирование, как и правоприменительная практика, связанные с данной мерой пресечения, продолжают содержать ряд проблемных аспектов, которые активно обсуждаются учёными и практиками.

В частности, неоднозначным с практической точки зрения является решение вопроса о содержании категории «жилое помещение» и возможности включения в состав такового иных территорий и помещений.

С учётом выводов отдельных специалистов, а также актуальной судебной практики, представляется обоснованным включение в содержание категории «жилое помещение», применительно к домашнему аресту, органически взаимосвязанных с жилым помещением территорий и помещений (балкона, веранды, придомовой территории и т.д.)

В целом же, как представляется, уточнение вопроса о содержании категории «жилое помещение» было бы целесообразно детализировать в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41.

Использование технических средств контроля за лицом, к которому применён домашний арест, ограничивает конституционные права и свободы других лиц, проживающих совместно с данным гражданином, однако, законодатель в УПК РФ почему-то не предусматривает согласие собственников жилья в качестве условия для реализации данной меры пресечения.

Несмотря на частичное решение данного вопроса на уровне подзаконных нормативно-правовых актов, для обеспечения большей прозрачности процедуры применения домашнего ареста, в контексте обеспечения прав и свобод личности, вопрос получения согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым или обвиняемым, к которому применяется анализируемая мера пресечения, следует отразить непосредственно в ст. 107 УПК РФ.

При установлении запрета, предусмотренного п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суду следует конкретизировать в судебном решении каждого гражданина (как минимум, посредством указания его фамилии, имени и отчества), общение с которым со стороны обвиняемого не допускается. Использование обобщающих оборотов не может считаться допустимым.

Что касается запрета на использование средств связи и сети «Интернет», предусмотренного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то возможности полноценного контроля за его соблюдением видится многим авторам маловероятной.

В этой связи, правоприменителю необходимо учитывать современное развитие информационных цифровых технологий и способствовать дальнейшему расширению условий для осуществления эффективного контроля за лицом, на которое направлено уголовное преследование и к которому применён подобный запрет в рамках назначенной судом меры пресечения.

Возможным решением анализируемой проблемы на данном этапе может стать комплексное использование различных средств технического контроля, включая использование аудиовизуальных средств.

Ряд проблемных аспектов, связанных с нормативной регламентацией и практикой применения домашнего ареста нуждается не только в правильном понимании и толковании, но и последовательном совершенствовании, путём внесения изменений в нормы УПК РФ.

В ч. 1 ст. 107 УПК РФ законодатель предусматривает возможность содержания под домашним арестом в медицинском учреждении, при этом, в данной уголовно-процессуальной норме не предусмотрено получение на это согласия руководителя такого учреждения.

Для нормативного решения данного вопроса в последнее предложение ч. 1 ст. 107 УПК РФ следует ввести указание на необходимость согласия руководителя медицинского учреждения.

С учётом внесённого уточнения, данное предложение может быть сформулировано следующим образом: «... С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение, с согласия руководителя данного учреждения».

Анализируя обсуждаемую в науке и применяемую в судебной практике возможность предоставления подозреваемым или обвиняемым, к которым применён домашний арест, ежедневной возможности покидать жилище для совершения прогулки, можно сделать вывод о том, что существующая законодательная конструкция домашнего ареста такую возможность не предусматривает, несмотря на её целесообразность.

В этой связи, в ст. 107 УПК РФ следует предусмотреть возможность предоставления подозреваемому или обвиняемому (на усмотрение суда) совершать прогулки в качестве исключения из общего правила об изоляции в жилом помещении.

Для этого в текст ст. 107 УПК РФ можно ввести дополнительный п. 13.1 следующего содержания: «На усмотрение суда, подозреваемому или обвиняемому может быть установлена возможность покидать место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста для совершения прогулок, с определением режима таких прогулок (периодичности, места и времени совершения)».

Применение при назначении домашнего ареста запрета на использование средств связи (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) ограничивается положением ч. 8 ст. 107 УПК РФ, очерчивающим круг ситуаций, при которых звонок со стороны лица, находящегося под домашним арестом, будет являться правомерным действием, не влекущим негативные последствия. Но обращает на себя внимание, что законодателем не учтена очевидная необходимость совершать звонки со стороны подозреваемого (обвиняемого) в адрес своего защитника.

Для устранения обозначенного пробела в регламентации запрета на использование средств связи при применении домашнего ареста, в ч. 8 ст. 107 УПК РФ следует внести соответствующее изменение.

В новой редакции критикуемый абзац данной нормы может быть сформулирован следующим образом: «... Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова

скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с дознавателем, следователем или защитником. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган».

Резюмируя сказанное, следует сделать вывод о том, что законодателю, продолжая совершенствование регламентации наиболее строгих мер пресечения, включая домашний арест и расширяя возможности применения альтернатив заключению под стражу, необходимо ориентироваться на высказываемые в уголовно-процессуальной науке предложения, связанные с такими изменениями.

Безусловно, целесообразность и своевременность тех, или иных нормативных корректировок должна оцениваться в каждом конкретном случае и обуславливаться повышением эффективности соответствующей меры уголовно-процессуального принуждения, при условии следования установленным на конституционно-правовом уровне гарантиям.

Заключение

В заключении работы сформулируем ключевые выводы, связанные с проблематикой темы исследования.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 107 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что домашний арест – это мера пресечения, избираемая по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого, которая состоит в контролируемой государством изоляции лица от общества в жилом помещении (в исключительных случаях в лечебном учреждении) и следовании данным лицом, возложенным на него запретам.

Будучи мерой пресечения, домашний арест воплощает в себе двойственную сущность института мер пресечения, которая заключается в направленности как на пресечение противоправного поведения со стороны подозреваемого или обвиняемого, так и на превентивное воздействие на него, связанное с предупреждением нежелательного поведения.

Домашний арест обладает при этом собственным механизмом пресекающе-предупредительного воздействия на лицо, подвергнутое уголовному преследованию.

Законодательные изменения, реализованные в 2018 г. применительно к системе мер пресечения, способствовали оптимизации практики применения залога (ст. 106 УПК РФ) и домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) через введённую меру пресечения в виде запрета определённых действий, поскольку запреты, сформулированные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, могут теперь применяться судом в рамках избрания в отношении двух других мер пресечения.

Проведённые новации позволили создать дополнительные и достаточно гибкие механизмы обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого без применения заключения под стражу. Тем самым созданы предпосылки для более активного внедрения в практику домашнего ареста, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее

гуманного отношения к личности и применения к лицу только того необходимого объёма правоограничений, который будет достаточным для обеспечения эффективного превентивного воздействия.

Сказанное подтверждается положительной динамикой роста числа случаев применения домашнего ареста, что следует из данных официальной статистики.

Анализ истории возникновения и развития норм, посвящённых мере пресечения в виде домашнего ареста, говорит о том, что данная мера имеет достаточно глубокие исторические корни. Её конкретизация в истории отечественного уголовно-процессуального права произошла во второй половине XIX века. В дореволюционной правоприменительной практике, домашний арест применялся редко и в отношении привилегированного сословия.

Можно сделать вывод о том, что проблемы дореволюционной правоприменительной практики, связанные с применением домашнего ареста столетие назад, были аналогичны современным: наличие организационных сложностей, связанных с применением данной меры, приводило к тому, что предпочтение отдавалось содержанию под стражей.

Анализируемая мера оставалась в качестве меры пресечения для представителей привилегированного сословия и применялся в редких случаях.

В первых советских УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. анализируемая мера имела место, но также не была востребованной. Поскольку анализируемая мера пресечения в дореволюционной России носила ярко выраженный сословный характер, в конечном итоге, в рамках советской системы мер пресечения, она не нашла систематического применения и была упразднена.

Её включение в систему мер пресечения нового российского демократического уголовного судопроизводства произошло уже в рамках принятия нового УПК РФ.

В широком плане, основанием избрания меры пресечения, включая домашний арест, выступает побудительная причина, достаточная для формирования у соответствующего субъекта, наделённого властными полномочиями, уверенности в необходимости принятия решения об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения.

Цель мер пресечения состоит в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, пресечения ему возможности скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

При этом, достижение такой цели иным образом, например, посредством обязательства о явке, как иной меры процессуального принуждения с менее репрессивным характером, видится потенциально неэффективным.

Если основание применения меры пресечения заключается в определении обоснованности применения таковой в принципе, то конкретизация меры пресечения – выбор наиболее подходящей из существующей системы мер, в данном конкретном случае и к конкретному лицу, осуществляется с учётом ряда условий.

Условия применения домашнего ареста можно условно разделить на общие и специальные. Общими будут выступать условия, применимые к выбору любой меры пресечения (включая домашний арест), а специальные предполагают обязательный учёт при выборе именно домашнего ареста.

Общие условия можно разделить на две категории:

Условия, относящиеся к инкриминируемому лицу преступлению:

- категория тяжести преступления;
- фактический его характер и степень общественной опасности преступления.

Условия, относящиеся к личности подозреваемого или обвиняемого:

- возраст;
- состояние здоровья;
- семейное положение;
- род занятий;
- другие обстоятельства.

Специальные условия применения домашнего ареста отдельно по тексту главы 13 УПК РФ не выделены, но их можно сформулировать логическим путём, с учётом положений ст. 107 УПК РФ.

В качестве специальных условий применения меры пресечения в виде домашнего ареста можно считать:

- невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения;
- наличие жилого помещения, в котором обвиняемый или подозреваемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- согласие обвиняемого или подозреваемого на применение к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

УПК РФ предусматривает исключительно судебный порядок избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения. Как правило, инициирует применение домашнего ареста лицо, в чьём производстве находится конкретное уголовное дело – следователь или дознаватель. Дополнительной гарантией обоснованного применения столь строгой меры процессуального принуждения является необходимость согласования ходатайства следователя руководителем следственного органа, а ходатайства дознавателя – прокурором.

Законодатель регулирует степень репрессивного воздействия, применяемого к лицу, на которое направлено уголовное преследование, делегируя суду возможность применить более мягкую меру пресечения вместо более жёсткой, о которой заявлено ходатайство, что говорит об

определённой гуманистической направленности процессуального порядка применения наиболее строгих мер пресечения, включая домашний арест.

Несмотря на развитие нормативной детализации домашнего ареста, принятое в последние годы, законодательное регулирование, как и правоприменительная практика, связанные с данной мерой пресечения, продолжают содержать ряд проблемных аспектов, которые активно обсуждаются учёными и практиками.

В частности, неоднозначным с практической точки зрения является решение вопроса о содержании категории «жилое помещение» и возможности включения в состав таковых иных территорий и помещений.

С учётом выводов отдельных специалистов, а также актуальной судебной практики, представляется обоснованным включение в содержание категории «жилое помещение», применительно к домашнему аресту, органически взаимосвязанных с жилым помещением территорий и помещений (балкона, веранды, придомовой территории и т.д.)

В целом же, как представляется, уточнение вопроса о содержании категории «жилое помещение» было бы целесообразно детализировать в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41.

Использование технических средств контроля за лицом, к которому применён домашний арест, ограничивает конституционные права и свободы других лиц, проживающих совместно с данным гражданином, однако, законодатель в УПК РФ почему-то не предусматривает согласие собственников жилья в качестве условия для реализации данной меры пресечения.

Несмотря на частичное решение данного вопроса на уровне подзаконных нормативно-правовых актов, для обеспечения большей прозрачности процедуры применения домашнего ареста, в контексте обеспечения прав и свобод личности, вопрос получения согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым или обвиняемым, к которому

применяется анализируемая мера пресечения, следует отразить непосредственно в ст. 107 УПК РФ.

При установлении запрета, предусмотренного п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суду следует конкретизировать в судебном решении каждого гражданина (как минимум, посредством указания его фамилии, имени и отчества), общение с которым со стороны обвиняемого не допускается. Использование обобщающих оборотов не может считаться допустимым.

Что касается запрета на использование средств связи и сети «Интернет», предусмотренного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, то возможности полноценного контроля за его соблюдением видится многим авторам маловероятной.

В этой связи, правоприменителю необходимо учитывать современное развитие цифровых технологий и способствовать дальнейшему расширению условий для осуществления эффективного контроля за лицом, к которому применён подобный запрет в рамках назначенной меры пресечения.

Возможным решением анализируемой проблемы на данном этапе может стать комплексное использование различных средств технического контроля, включая использование аудиовизуальных средств.

Ряд проблемных аспектов, связанных с нормативной регламентацией и практикой применения домашнего ареста нуждается не только в правильном понимании и толковании, но и последовательном совершенствовании, путём внесения изменений в нормы УПК РФ.

В ч. 1 ст. 107 УПК РФ законодатель предусматривает возможность содержания под домашним арестом в медицинском учреждении, при этом, в данной уголовно-процессуальной норме не предусмотрено получение на это согласия руководителя такого учреждения.

Для нормативного решения данного вопроса в последнее предложение ч. 1 ст. 107 УПК РФ следует ввести указание на необходимость согласия руководителя медицинского учреждения. С учётом внесённого уточнения, данное предложение может быть сформулировано следующим образом: «... С

учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение, с согласия руководителя данного учреждения».

Анализируя обсуждаемую в науке и применяемую в судебной практике возможность предоставления подозреваемым или обвиняемым, к которым применён домашний арест, ежедневной возможности покидать жилище для совершения прогулки, можно сделать вывод о том, что существующая законодательная конструкция домашнего ареста такую возможность не предусматривает, несмотря на её целесообразность.

В этой связи, в ст. 107 УПК РФ следует предусмотреть возможность предоставления подозреваемому или обвиняемому (на усмотрение суда) совершать прогулки в качестве исключения из общего правила об изоляции в жилом помещении.

Для этого в текст ст. 107 УПК РФ можно ввести дополнительный п. 13.1 следующего содержания: «На усмотрение суда, подозреваемому или обвиняемому может быть установлена возможность покидать место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста для совершения прогулок, с определением режима таких прогулок (периодичности, места и времени совершения)».

Применение при назначении домашнего ареста запрета на использование средств связи (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) ограничивается положением ч. 8 ст. 107 УПК РФ, очерчивающим круг ситуаций, при которых звонок со стороны лица, находящегося под домашним арестом, будет являться правомерным действием, не влекущим негативные последствия. Но обращает на себя внимание, что законодателем не учтена очевидная необходимость совершать звонки со стороны подозреваемого (обвиняемого) в адрес своего защитника.

Для устранения обозначенного пробела в регламентации запрета на использование средств связи при применении домашнего ареста, в ч. 8 ст. 107 УПК РФ следует внести соответствующее изменение.

В новой редакции критикуемый абзац данной нормы может быть сформулирован следующим образом: «... Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с дознавателем, следователем или защитником. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган».

Таким образом, законодателю необходимо продолжать поступательное движение в направлении совершенствования регламентации наиболее строгих мер пресечения, включая домашний арест, расширяя возможности применения альтернатив заключению под стражу, что соответствует гуманистической направленности российского демократического уголовного процесса и способствует созданию объективного баланса интересов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 21 с.
2. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 19.09.2018 г. по делу № 22-2871/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.06.2018 г. по делу № 10-1156/18 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
4. Балтабаев К.Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2001. 25 с.
5. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184-190.
6. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115-125.
7. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21-25.
8. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90-96.
9. Головинская И.В., Гуцин С.В. Особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста в Российской Федерации // Современное право. 2018. № 10. С. 123-130.

10. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. Гричаниченко А.В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97-103.

13. Данные официальной статистики применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14>

14. Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. 84 с.

15. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

16. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

17. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М. : Издательский дом «Буквовед», 2007. 409 с.

18. Каштанова А.О. Становление и развитие меры пресечения в виде домашнего ареста в истории России // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 45, № 1 (65). С. 139-143.

19. Климов В.В. Законность и обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России: монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 160 с.

20. Колесников М.В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 240-247.

21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

22. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 136 с.

23. Ларкина Е.В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // *Lex russica*. 2019. № 4. С. 129-138.

24. Люблинский П.И. Меры пресечения: (Комментарий к ст.ст. 143-161 УПК РСФСР). М., 1926. 56 с.

25. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. - М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1056 с.

26. Николук В.В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2018. № 4 (87). С. 112-121.

27. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. Научно-методическое пособие. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2006. 192 с.

28. Овчинникова О.В. Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2022. № 3 (34). С. 70-75.

29. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. 252 с.

30. Положение о военных следователях от 30.09.1919 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов. М., 1955.

31. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

32. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21. Ст. 230.

33. Постановление Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17.09.2018 г. по делу № 3/4-11/18 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

34. Постановление Ершовского районного суда Саратовской области от 20.09.2018 г. по делу № 3/1-2(2)/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // СЗ РФ. 2018. № 14. Ст. 2027.

36. Постановление Магаданского областного суда от 04.10.2018 г. по материалу № 2к-13/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

37. Постановление Наримановского районного суда Астраханской области от 17.07.2018 г. по делу № 3/124/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «Консультант плюс».

39. Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского

освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») // СЗ РФ. 2011. № 4. Ст. 608.

40. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 838.

41. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

42. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Рига, 1924. 620 с.

43. Румянцев Н.В., Турченков М.П. Правовое регулирование и разрешение проблем, связанных с применением меры пресечения «домашний арест» // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 3-6.

44. Рыжаков А.П. Подробный комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // СПС «Консультант плюс».

45. Свод законов 1832 года // Российское законодательство X-XX вв. Т. 8: Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991.

46. Симагина Н.А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Мировой судья. 2021. № 5. С. 20-24.

47. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. - М. : КНОРУС, 2008. 704 с.
48. Строгович М.С. Уголовный процесс: Учебник. М. : Изд. НКЮ СССР, 1940. 311 с.
49. Трунов И.М., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 356 с.
50. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
51. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
52. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
53. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 1. XI-XIX века. М., 1999.
54. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. М. : Юрид. лит., 1991.
55. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
56. Федеральный закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.
57. Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26-29.
58. Фоков А. Судебный контроль в России: итоги и перспективы // Российский судья. 2002. № 9. С. 2-4.

59. Юрьев С.С., Короткова П.Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 7-12.